

Цуй Мин-дэ невольно дёрнула уголок губ, сделала вид, что ничего не слышала, взяла кисть, обмакнула её в чернила, но лишь успела вывести одну черту, как Дугу Шао выхватила у неё кисть из рук, и та оставила на бумаге длинную кляксу.

Цуй Мин-дэ сказала: «Это белая пеньковая бумага, её учёт строгий, за каждый лист отчитываются».

Дугу Шао небрежно швырнула кисть: «Всего лишь листок бумаги. Великое дело. Пусть Ли Вторая достанет тебе целую стопу, и пиши сколько влезет».

Цуй Мин-дэ посмотрела на неё: «Ли Вторая?»

Дугу Шао лениво пояснила: «Раз она считает нас друзьями, то и обращаться будем по-дружески, по старшинству».

Цуй Мин-дэ почувствовала, как у неё задергался висок, и с огромным усилием сохранила бесстрастное лицо: «Она — принцесса».

Дугу Шао махнула рукой: «Император Гуан У и отшельник Янь Цзылин тоже дружили, почему я не могу с ней дружить?»

Цуй Мин-дэ нахмурилась, уже собираясь что-то сказать, но Дугу Шао опередила её: «Знаю, о чём ты думаешь. Хочешь сказать, она и Вэй Хуань... то есть княгиня Лулин, сначала нас обманули, так что друзьями их не назовёшь. Я, хоть и упряма, понимаю, что сегодня они пришли к нам не просто так. Но ведь и мы сами приближались к Ли Второй с нечистыми помыслами? Кто из смертных без греха? Лишь бы, даже преследуя свои цели, они не забывали о дружеском долге. Какая разница, чего они хотят? К тому же друзья и должны помогать друг другу».

Цуй Мин-дэ глубоко взглянула на неё: «Значит, они всё же тебя убедили».

Дугу Шао неловко отвела взгляд, заложила руки за голову и, избегая прямого взгляда, пробормотала: «Должность уполномоченного по цуцзюй хоть и почётная, но всего лишь временная синекура. Как верно заметила княгиня Лулин, это не настоящая должность, а временное поручение. Пока императрица меня ценит — я при деле, а вдруг кто-нибудь нашепчет — и упразднит в один миг. Если же они смогут помочь мне получить настоящее командование...»

Цуй Мин-дэ холодно прервала её: «У них нет таких возможностей».

Дугу Шао пожала плечами: «Сейчас рядом с императрицей лишь одна дочь да одна невестка. Если у них и вправду ничего не выйдет, что ж, придётся смириться».

Цуй Мин-дэ внезапно ощутила прилив гнева: «Ты же прекрасно понимаешь, что они просто используют тебя. Используют — не то слово, они хотят через тебя повлиять на меня...» — Она запнулась, но было уже поздно.

Дугу Шао оскалилась в улыбке: «Я знаю, что им нужна именно ты. И знаю, что используют меня, чтобы до тебя достучаться. Даже они разглядели, что ты ко мне равнодушна, а ты всё ещё отказываешься в этом признаться?»

Цуй Мин-дэ не знала, что сказать: «А-Шао, я...»

Дугу Шао тут же подхватила: «Ты меня не любишь... Я знаю. Но я люблю тебя. Ты волна не любить, а я волна любить. Мы можем не мешать друг другу и жить в мире да согласии».

Цуй Мин-дэ беспомощно сжала кулак и лишь спустя долгое время вымолвила: «С принцессой ещё куда ни шло. Но Вэй Хуань... Она боится, что мы проболтаемся о её связи с принцессой, вот и хочет нас с собой связать. Но она всего лишь бесправная отпрыска боковой ветви, муж её в опале, семья в изгнании, да и сама она едва держится на плаву — терять ей уже нечего, поэтому ей всё равно, с кем вступать в союз, лишь бы помогли. А мы — совсем другое дело. Твой отец и мой дед...»

Дугу Шао резко изменилась в лице и, словно в обиде, буркнула: «Твой дед, твой дед... Когда ты перестанешь о нём толковать? Если твоя семья так о тебе заботится, почему ты с сестрой оказались в таком положении? Чтобы вызволить тебя из дворца, любой предлог бы подошёл, а они выбрали проклятие твоей матушки. Они смотрят на тебя как на пешку, зачем же ты так рьяно им служишь?»

Цуй Мин-дэ нахмурилась и устремила на неё строгий взгляд: «Ты действительно так думаешь?»

Дугу Шао, почувствовав неловкость под её взглядом, положила ладони на стол и пробормотала: «А как иначе?»

Цуй Мин-дэ закрыла глаза, глубоко вздохнула и, открыв их, произнесла ровным тоном: «Они правы. Я и вправду пешка. Но, как ты сама сказала, разве сейчас кто-либо не пешка в этой игре? Мой дед уже был заместителем министра в Ведомстве чинов, к тому же имел заслуги в помощи покойному императору. По знаниям и опыту ему давно бы пора стать канцлером, но из-за нежелания двора выдвигать слишком много выходцев из знатных родов его отправили цыши в провинцию. Дядя мой был известен по всей Поднебесной, но тоже навлёк на себя гнев покойного императора из-за нашей фамилии. Или взять покойную княгиню Юн, госпожу Пэй... Если дед не позволил моей сестре выйти замуж за члена императорской семьи, используя её как пешку, то разве госпожа Пэй не была пешкой? Тысячелетняя слава нашего клана Цуй зиждется не на одном человеке и не на его личных усилиях, а на том, что поколения наших предков трудились сообща и поддерживали друг друга. Без репутации и влияния нашего рода его члены — бедняки не смогли бы учиться, люди низкого звания не знали бы законов и ритуалов, у богатых не было бы родни и связей, а у знатных — верных друзей. И ты думаешь, это хорошо? Даже твоя семья — если бы твой отец не был выходцем из знатного клана Гуаньлун, разве получил бы он семейное воспитание, смог бы избежать наказания благодаря заслугам предков или служить в армии с чиновничьим рангом? Без влияния и ресурсов твоего рода разве были бы у тебя в юности друзья из семей военачальников, с которыми можно было гонять кур и собак, да запросто толковать о военном деле? Если бы ты не была дочерью рода Дугу, императрица даже этой временной должности уполномоченного по цуцзюй тебе бы не дала, не говоря уж о настоящем командовании! Мы родились детьми великих родов, вкусили плоды их славы, и по праву должны думать о своих семьях в первую очередь. Тем более что дед мой... и вправду искренне меня любит».

Дугу Шао долго молчала, а затем тихо спросила: «Но если всё для семьи, когда же настанет черёд для тебя самой?»

Цуй Мин-дэ опустила глаза: «Я не настолько глупа. А вот ты — пожалуйста, поменьше с ними общайся».

Дугу Шао удивилась: «Новый император уже взошёл на престол, принёс жертвы предкам и принял наследие рода. Императрица правит как регент, а князь Лулин и вовсе отбыл в свои

владения. Что она, одна-единственная, может сделать?»

Цуй Мин-дэ спокойно спросила: «Ты знаешь Чэнь Шочжэнь?»

Дугу Шао вздрогнула и задумчиво посмотрела на Цуй Мин-дэ: «Та мятежница из Мучжоу? Она же умерла больше двадцати лет назад. Говорят, император приказал разрубить ей конечности, выколоть глаза и отрезать нос, а потом забить до смерти».

Цуй Мин-дэ сказала: «Жива она или нет — не суть важно. Но перед тем как поднять мятеж, она провозгласила себя “императрицей Вэньцзя”, взошла на престол как женщина и с несколькими тысячами бунтовщиков захватила Мучжоу. В своё время это потрясло весь двор. Императрица тогда уже была принята покойным императором в наложницы и наверняка знает об этом деле».

Дугу Шао спросила: «И... какое это имеет отношение к нам?»

Цуй Мин-дэ произнесла отчётливо, слово за словом: «А если императрица захочет последовать её примеру?»

Дугу Шао от неожиданности выпрямилась: «Императрица пойдёт против собственного сына? Не может быть!» — Поймав суровый взгляд Цуй Мин-дэ, она смущённо добавила: «Ты говоришь, что амбиции императрицы простираются дальше её нынешнего положения, — этому я верю. Ныне она правит как регент, совсем как Люй-хоу или вдовствующая императрица Доу при Хань. Но насчёт Чэнь Шочжэнь... Не верю. У тебя есть доказательства?»

Цуй Мин-дэ ответила: «Монахи и даосы, приглашённые в чертог Пэнлай, не только переписывают сутры за упокой души покойного императора и князя Юн, но и читают лекции по сутрам для самой императрицы. Императрица, зная, что я немного разбираюсь в писаниях, тоже призвала меня присутствовать. И не раз спрашивала, были ли среди будд или патриархов даосизма женщины. Принцесса Чанлэ преподнесла императрице Цзямай, и та была так обрадована, что щедро наградила принцессу и повелела, чтобы все, кто найдёт Цзямай в своих землях, доставляли его ко двору. А её приближённая, госпожа Туань, всегда пользовалась милостью благодаря доносам, а ныне и вовсе стала первой фавориткой во дворце, ей даже дозволено передвигаться внутри дворца на паланкине».

Дугу Шао сказала: «Кроме вопроса о женщинах-буддах, всё это я и сама знаю. Но разве это не обычные меры для укрепления власти...»

Цуй Мин-дэ вздохнула: «Ты сама сказала — новый император уже взошёл на престол, императрица правит как регент, да и у власти она уже несколько десятков лет, основание прочное. Какую же ещё власть ей укреплять? Императрица уже открыто правит, именует себя “Чжэнь”, учредила личную гвардию, введя полный церемониал выездов, её указы называются “чжао” и “чи”. Куда дальше-то? Свержение князя Лулин и восшествие нового императора — это лишь начало. Сейчас наступают смутные времена».

Зная, что Дугу Шао лишь выглядит беспечной, а на деле весьма расчётлива, Цуй Мин-дэ ограничилась намёком и не стала развивать тему. Но та, вместо того чтобы встревожиться, вдруг обрадовалась: «Если всё так, как ты говоришь... Ли Вторая... может, уже догадалась о замыслах императрицы? Если мы сумеем отличиться именно сейчас...»

Цуй Мин-дэ резко оборвала её: «А-Шао!»

<http://bllate.org/book/16278/1467067>